
О ПРЕДИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ МЕТОНИМИИ

В.А. Романенко

Кафедра функциональной лингвистики
Институт языка и литературы
Приднестровский университет им. Т.Г. Шевченко
ул. 25 Октября, 128, Тирасполь, Приднестровье, МД-3300

В статье представлена точка зрения автора на предикативную функцию метонимии, которая активизирует определенный фокус зрения в вербальном или невербальном тексте.

Ключевые слова: предикативная функция, метонимия, фокус зрения, текст.

В лингвистике под предикацией понимается отнесение содержания высказывания к действительности, осуществляемое в предложении. В предикации логический субъект раскрывается логическим предикатом (что-то о чем-то утверждается или отрицается) [15. С. 226]. Предикация, рассматриваемая как метонимическая фильтрация, проявляет себя при социумной идентификации, под которой подразумевается процесс перенесения индивидом на себя качеств и особенностей внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях (А.П. Садохин) [Цит. по: 17. С. 116]. Следствием идентификации, по Н.Г. Табаловой, является появление стереотипов [17. С. 116]. В социальной психологии известны концепция символического интеракционизма и концепция каузальной атрибуции [См., например, 4. С. 54—65]. Согласно первой из них человек поддается влиянию знаков, не учитывая, что они выражают. Таким образом, люди как бы живут в выдуманном ими мире, опосредованном знаками, не видя истинной природы вещей. Этой концепцией объясняется действие импринтинга рефлекторного типа: знаковая сфера «навязывает» индивиду стереотипы эмотивного и ментального поведения. Согласно второй концепции, индивид наделяет поступки других людей мотивами, а предметы — свойствами, присущими ему самому (импринтинг проецирующего типа). Таким образом, и сам человек, и окружающий его мир представляются рядом зеркальных отображений. Человек склонен идентифицировать окружающих с собой или с теми, кто ему первородно близок (отец, мать, брат и др.). Все, что не укладывается в рамки стереотипа — внешнего, морального, духовного, культурного — отвергается. О том, что метонимия может выступать в роли предиката, ученые заговорили сравнительно недавно [7. С. 16—18]. Изучение метонимического процесса как предикативного вписывается в лингвокогнитивную парадигму, основу которой составляет изучение природы и сущности знания и познания, результатов восприятия действительности и познавательной деятельности человека, накопленных в виде осмысленной и приведенной в определенную систему информации [См. 1. С. 174], согласующейся с ценностно-смысловыми стандартами культуры на определенном этапе развития. Согласно принципу селективности [Там же. С. 178], отбирается лишь та информация, которая наиболее значима для человека данного этнокультурного пространства и в данное время.

Метонимизация, как и метафоризация, основывается на принципе кадрирования внимания. В русском языке соотношение «данного» и «нового» в организации смысла фразы определяет актуальное членение предложения. «Во фразе „Вошла Наташа“ слово „вошла“ представляет *данное*, выступая в роли логического субъекта предложения, а слово „Наташа“ — *новое*, являясь логическим *предикатом*. Построение фразы, таким образом, соответствует последовательности восприятия наблюдателя, находящегося в комнате, который сначала воспринимает, что *кто-то* вошел, а потом видит, что этот „кто-то“ — *Наташа*.

Между тем во фразе „Наташа вошла“ *данное* выражается, напротив, словом „Наташа“, а *новое* — словом „вошла“. Фраза строится, таким образом, с точки зрения человека, которому прежде всего дано, что описывается поведение Наташи, а относительно большую информацию несет тот факт, что Наташа именно *вошла*, а не сделала что-либо иное. Такое описание возникает прежде всего тогда, когда при повествовании используется точка зрения самой Наташи» [18. С. 31]. Интересную мысль о метонимическом фокусе как акте предикцирования встречаем у Ж.-П. Сартра: «Например, что-то новое появилось в моих руках — в том, как я, скажем, беру трубку или держу вилку. А может, кто его знает, сама вилка теперь как-то иначе дается в руки. Вот недавно я собирался войти в свой номер и вдруг замер — я почувствовал в руке холодный предмет, он приковал мое внимание какой-то своей необычностью, что ли. Я разжал руку, посмотрел — я держал всего-навсего дверную ручку» [16. С. 19]. Ж.-П. Сартром предикация ассоциируется с остранным: «Предметы не должны нас беспокоить: ведь они не живые существа. Ими пользуются, их кладут на место, среди них живут, они полезны — вот и все. А меня беспокоят, и это невыносимо. Я боюсь вступать с ними в контакт, как если бы они были живыми существами!» [16. С. 25].

О различных способах каузирования как о мене фокуса внимания писал Ч.У. Моррис: «Когда человек ест яблоко, он действительно становится в каком-то смысле пассивным, и яблоко „действует на него“» [11. С. 138]. Таким образом, при выяснении индексальных (метонимических) связей важно не только то, что «делает действующее лицо с объектом», но и то, «что делает с действующим лицом объект» [11].

Метонимический ракурс задает стилистический регистр именования. Нередко цитируют способы именования Наполеона в парижской прессе в период его «Ста дней»: «Первое сообщение гласило: „*Корсиканское* чудовище высадилось в бухте Жуан“. Второе известие сообщало: „*Людоед* идет к Грассу“. Третье известие: „*Узурпатор* вошел в Гренобль“. Четвертое: „*Бонапарт* занял Лион“. Пятое: „*Наполеон* приближается к Фонтенбло“. И, наконец, шестое: „*Его императорское величество* ожидается сегодня в своем верном Париже“» (Тарле) [Цит. по: 18. С. 35].

Метонимию можно рассматривать как результат сдвига фокуса зрения в соответствии с принципом кадрирования внимания. Е.В. Падучева эту мысль развивает следующим образом: «...избирательность отражается в языке в виде разнообразных возможностей сдвига *фокуса внимания* при описании одной и той же внеязыковой ситуации: одно и то же событие может быть представлено фразами

Иван ехал лесом; Иван ехал в деревню; Иван ехал из города и многими другими» [12]. По заключению Е.В. Падучевой, львиная доля различий между разными концептуализациями одной ситуации приходится на два параметра — оценка и фокус «внимания», так как при концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, другие затушевываются, и возникает противопоставление «фигура — фон» [12] при схематизации реальной действительности. Этот принцип наиболее отчетливо проявляет себя в области визуальных искусств.

Важной качественной характеристикой метонимии, как, впрочем, и метафоры, является возможность недетального описания всех признаков, свойств предмета номинации, так как часть каких-то свойств пресуппозитивно несущественна для конкретной коммуникативной ситуации (А. Кюльоли) [Цит. по: 1. С. 223], поэтому отдельные ученые говорят не о лингвистической (Сепир—Уорф), а о «деятельностной относительности» [1. С. 275].

По Ч.С. Пирсу, то, на что индекс указывает, называется «субъектом утверждения» [13. С. 18]. Упраздня субъект утверждения, на который индекс направляет внимание реципиента, мы лишаем знак его индексной функции, превращая его тем самым в первичный объект. Индекс, следовательно, в частности метонимия как его разновидность, входит в состав двойных или информационных знаков [13. С. 166], таких знаков, которые передают информацию в противоположность иконическому знаку, «из которого информация может быть извлечена» [13. С. 166]. Уподобляясь предложению-утверждению, метонимические индексы предполагают наличие с логико-семантической стороны субъекта и предиката, а с синтагматической — антецедента и консеквента. В.Я. Пропп установил наличие в нарративе предикатных функций [14. С.], а К. Леви-Стросс выявил влияние на характер переменных (предикаты) типов постоянных (субъект, термы), задающих вектор предикации [8]. Так, по функции предиката можно судить о типе субъекта предикации и, наоборот, от типа субъекта выводится зависимость типа предиката. Устойчивый набор связей между предикатами и субъектами, по сути, может быть описан в категориях фрейма и ситуации. Подмена функций, закрепленных за разными субъектами, увеличение или сужение функций субъекта разрушает традиционный фрейм (ср.: *злая/добрая Баба-Яга*). Перецентрировка иерархической структуры слотов в составе фрейма является поводом для создания риторики образа на любом языковом уровне его репрезентации. Это отчетливо видно на примере аппликативной метонимии, лежащей в основе создания метафоры.

Фрейм как стереотипный набор параметров ситуации, понятия, подобно стереотипизированным фразам, клише, во многом узуален. На основе узуального фреймирования создаются метонимические цепочки, когда один импульс порождает всю цепь зависимостей (металепсис): *королевство — король — корона, детство — ребенок — коляска* (игрушка) и т.п. [5. С. 63].

Выделение базовых слотов фрейма объекта, ситуации и прочего, детерминированное общекультурной, личностной или национальной ментальностью, аналогично выделению денотатов, организующих предметный план текста и выполняющих ориентировочную функцию в пространстве смыслов (Г.Д. Чистякова) [См. 6. С. 169].

Н.И. Жинкин представляет план в виде структуры предикатов. В.Д. Тункель определяет иерархию предикативных связей в тексте [См. об этом: 6. С. 169]. Это предикаты первого порядка, раскрывающие основной ход изложения мысли автора, предикаты второго порядка, уточняющие, и предикаты третьего порядка, детализирующие. Выделение метонимических отношений как на уровне денотации, так и на уровне предикации соответствует выделению двух аспектов изучения семиотических объектов — аксиологического (ценностного) и динамического (Ю.С. Степанов).

Собственно избирательность метонимического принципа отображения действительности в сознании человека порождает неадекватность языка и опыта. Согласно данному положению, «...язык представляет собой фильтр, который позволяет когнитивной системе отсекаать все лишнее из опыта для того, чтобы система не перегружалась и адекватно функционировала. Однако эта полезная функция приводит к тому, что сознание человека игнорирует важные части его опыта, что приводит к формированию существенно обедненного списка альтернатив при решении проблемных ситуаций» [2. С. 236]. И здесь возникает потребность рефрейминга (термин О.С. Иссерс), избавления от стереотипов с целью обновления взгляда на мир. Рефрейминг особенно отчетливо проявил себя в авангардном искусстве, теории которого вели поиск в двух направлениях — парадигматическом (сетевом) и синтагматическом, разрушая представление как о наборе постоянных (денотатов), могущих быть изображенными, так и о характере представления их взаимосвязей, отношений, функций (предикатов).

Так, синекдохическое отделение формы от содержания приводит к т.н. десемантизации образа вплоть до утраты им предметности, чему посвящено немало страниц в медицинской литературе. М. Нордау рассматривал современное искусство, в особенности декадентское, как следствие психической и моральной деградации европейских народов (С. Пискунова, В. Пискунов) [Прив. по: 3. Т. 1. С. 681]. Явление «отчуждения» в искусстве и в языке соотносится с проблемой связи мысли и речи (языка). От понимания тесной связи мысли и речи, обусловленности речи мыслью, о невозможности существования одного без другого ученые пришли к гипотезе о латентном характере мысли, ее доязыковом бытии. В таком понимании мысль приравнивается к замыслу, мотиву.

Будучи воспринятой как чистый «духовный акт», без образов и речи, как «неоформленная интенция» (Вюрцбургская школа) [См.: 9. С. 80], мысль лишается наличия какой бы то ни было грамматической структуры. Ее ценность устанавливали сюрреалисты, писатели «потока сознания», свободного от контроля разума. Таким образом, мысль противопоставляется разуму как нечто свободное, неподконтрольное. Идеолог сюрреализма А. Бретон писал: «Сюрреализм — это чистый психический автоматизм, с помощью которого предполагается выразить в устной или письменной форме или любым иным путем подлинное движение мысли. Это — диктовка мысли, свободной от всякого контроля разума и независимой от эстетических или моральных соображений» [Цит. по: 10. С. 69]. В задачи искусства входила остановка течения мысли, еще не оформленной в синтаксическую

структуру, как это происходит в обычной речи. Синекдохическое отчуждение внешней формы объекта изображения в живописи кубизма, абстракционизма, футуризма, связанное с отказом от эквивалентности графического, живописного изображения означаемому, при помощи разложения объекта на составные части, плоскости приводит к оптическому «отчуждению» изображения от изображаемого.

Таким образом, предикация как точка зрения на предмет, фрагмент действительности или понятие, акцентирующая внимание на эмоциональном, идеологическом, социально-культурном, эстетическом и иных аспектах функционирования, восприятия и оценки знака, является одной из ключевых категорий порождения речи вообще и метонимии в частности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. — М.: Флинта; Наука, 2005.
- [2] *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. — М.: Едиториал УРСС, 2003.
- [3] *Белый А.* Сочинения. В 2-х т. / Сост. и подгот. текста В. Пискунова; коммент. С. Пискуновой и В. Пискунова. — М.: Художественная литература, 1990.
- [4] *Дридзе Т.М.* Перевод как текстовая деятельность: основания и предметная область семиосоциопсихологической теории коммуникации // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. — Вып. 426. — М., 1996. — С. 54—65.
- [5] *Завьялова М.В.* Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале эксперимента с литовского-русскими билингвами) // Вопросы языковедения. — 2001. — № 5. — С. 60—86.
- [6] *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
- [7] *Королева О.Э.* Субстантивная метонимия как образное значение // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11—13 дек. 2001): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, А. Николаева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — Т. 1. — С. 16—18.
- [8] *Леви-Стросс К.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 423.
- [9] *Лурия А.Р.* Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учебное пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- [10] *Малахов Н.Я.* Модернизм: Критический очерк. — М.: Изобразительное искусство, 1986.
- [11] *Моррис Ч.У.* Из книги «Значение и означивание» // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. — М., 2001. — С. 129—143.
- [12] *Падучева Е.В.* К когнитивной теории метонимии. URL: <http://philologos.narod.ru/texts.htm>
- [13] *Пирс Ч.С.* Из работы «Элементы логики. Grammatica Speculativa» // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 165—226.
- [14] *Пропп В.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К. Леви-Строссу) // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. — М., 2001. — С. 453—471.
- [15] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985.

- [16] *Сартр Ж.-П.* Стена: Избранные произведения. — М.: Политиздат, 1992.
- [17] *Табалова Н.* Стереотипы как результат когнитивной деятельности человека. Стереотип России и русских в англоязычных СМИ // *Язык. Сознание. Коммуникация: Сборник статей* / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2003. — Вып. 25. — С. 116—131.
- [18] *Успенский Б.А.* Поэтика композиции / Успенский Б.А. Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры», июль 1995. — С. 9—218.

ON PREDICATIV FUNCTION OF METONYMY

V.A. Romanenko

The chair of functional linguistics
The Institute of Language and Literature
The State University named by T.G. Shevchenko
25 October str., 128, Tiraspol, Transnistria, 3300

The article performs authors view of the predicative function of metonymy what actualizes the focus of look in verbal or non-verbal text.

Key words: predicative function, metonymy, focus of look, text.